

Е.А. Попов

Виталистский императив в современных представлениях о культуре

Культурно-органическая система во всем многообразии своих проявлений становится виталистским комплексом, развивающимся по принципам сохранения, преумножения либо необратимого разрушения жизненных сил. Именно в этом состоит процесс развития культуры как целостного организма. Эта целостность поддерживается множеством факторов, существенным образом влияющих на все основные механизмы культурной динамики.

Если иметь в виду, что культура представляет собой «мощный адаптивный аппарат человеческого рода, возникший как воплощение присутствующих человеку жизненных сил, проявляющихся в борьбе за существование путем творческого преобразовательного отношения к окружающей среде» [1, с. 73], то следует прежде всего обратить внимание на жизнеспособное начало, определяющее вектор креативной деятельности человека. Часто его границы находятся в плоскости многофункциональной системы художественных отношений как неотъемлемой составляющей всякой творческой деятельности, направленной на изменение окружающей действительности. Анализ этого взаимовлияния показывает, насколько противоречивы в данном вопросе точки зрения и позиции исследователей, а значит, проблема остается не до конца разрешенной. Поиск некоего жизнеутверждающего императива в современных концепциях культурфилософии и социологии культуры по-прежнему является актуальной задачей социогуманитарного знания.

Преодоление традиционных подходов к анализу культурного наследия русского народа в XX–XXI вв. и актуализация методологических положений развивающейся культурвиталистской концепции позволяют говорить о проявлении жизненных сил человека в процессах возникновения и развертывания культурно-органической системы. Кроме того, это должно стать своего рода отправной точкой в исследовании таких феноменов и явлений культуры, которые «скрывали» свой жизненный потенциал и представления о которых сводились в лучшем случае к систематизации их креативных качеств. О жизненных силах русской культуры сегодня рассуждают исследователи, считающие важнейшей задачей

современной гуманитарной науки поиск возможных путей возрождения культуры в новом столетии [2]. Предпринимаются активные попытки придать жизненным силам как важнейшему процессу культурной динамики эмпирические границы, тем самым определить структуру культурно-органической системы: ее жизненное пространство, коммуницирующие механизмы, полиэнергетику и т.д.

Идейно-художественные рубежи каждого социокультурного феномена следует искать в плоскости той сложной самостоятельной органической системы, каковой была русская культура XX в., учитывая при этом как художественное своеобразие этого явления, так и его духовно-энергетический потенциал.

Культура – многофункциональная система, имеющая свою логику системно-органического развития. Одной из особенностей этой системы является то, что в определенный период времени на изломе форм культурного бытия возникает огромный *выблеск* творческой энергии, вследствие которого появляются новые культурные формы и культурные смыслы наряду с отмиранием отживших и неразвившихся форм. Эта энергия, безусловно, может носить как деструктивный, так и конструктивный характер, когда появляется *новое творчество* и новые, до сих пор не существовавшие духовно-социальные явления – яркие, интенсивные, многофункциональные. В этом смысле творчеству отводится важнейшая роль в поддержании определенной гармонии во взаимодействии разносторонних культурных и социокультурных элементов, которые в рамках жизненного пространства культуры нередко находятся в конфликтном состоянии.

Конфликтность, распространяющаяся внутри культурно-органической системы и часто являющаяся следствием культурной диверсификации, создает в жизненном пространстве культуры *зоны напряженности*. В них культура не только безвозвратно теряет жизненные силы, но и приобретает возможность самовоспроизводиться, обретая собственное бытие в каких-либо новых жизненных формах. Практически вся продолжительная история русской культуры является свидетельством такого рода жизненных метаморфоз культурной системы.

Именно в таких зонах напряженности русская культура обретала свою национально-этническую специфику, верифицировала свои жизненные формы в исторической перспективе. В числе таких зон можно назвать религиозный выбор Руси в пользу христианства, этап формирования Московского царства и т.д. Духовно-социальным явлением, возникшим на изломе социокультурной реальности, и одновременно зоной напряженности в культурной истории России были проявления модернистской, а затем и постмодернистской теории и практики. Путь этих социокультурных феноменов в истории русской культуры был жизнестремительным, жизнеактивным, потому что они вырвались наружу, получили идейно-художественную свободу, преодолели рубежи культурно-художественной традиции и более того – стали активно воздействовать на приоритеты в культурной эволюции.

Зоны напряженности культурного развития становятся своего рода ретрансляторами социокультурной энергии, совершенно необходимой для осуществления непрерывной культурной трансмиссии. Все это, безусловно, оказывает влияние на формирование духовной культуры прежде всего в ее цивилизационном статусе. Как замечают исследователи, «со времен «духовной оси»... жизненные силы человечества обретают новый источник и находят новое русло своего развертывания, новую цель в своей реализации: самосовершенствование, духовное возвышение, гармонизация мироздания и достижение спасения» [1, с. 76].

Культурно-органическая система в зонах напряженности решает *сверхзадачи* своего бытия: разложение традиционных культурных форм, представляющих собой лишь слепки с окружающей действительности, часто меняющие эту реальность до неузнаваемости; накопление жизненной энергии, позволяющей культуре пульсировать, превращаться в новые организмы, передавать информацию посредством «оживленных» знаковых комплексов. Если сопоставлять бытие культуры в традиционных и жизненных формах, то окажется, что последние радикально меняют облик культуры, ее жизнеёмкость, предоставляя культурной системе определенную свободу в выборе качественных механизмов и способов жизнеосуществления.

Примером *энергетически-творческого выплеска* культурно-органической системы можно назвать русский авангард, ставший на некоторое время эпицентром культурной жизни России в начале двадцатого столетия. Творческие искания деятелей культуры были сначала разрозненными, малоэффективными; выплеск энер-

гии способствовал появлению авангарда и задавал направление культурного поиска, но определяться в выборе методов и способов освоения действительности представители авангарда должны были самостоятельно. Этот выбор осуществлялся в процессе жизни и был свободным.

С точки зрения культурвиталистских представлений развитие любой национальной культуры так или иначе оценивается с позиций ее жизнеспособности. Поэтому всякий раз речь заходит о жизненном потенциале культуры, который прежде всего аккумулирует необходимую для развития культурно-органической системы энергию. Жизненный потенциал русской культуры столь велик, что она постепенно преодолевает рубежи эстетической реальности, организованной по принципам художественного строительства, и входит в открытое культурное, а затем и культурно-социальное пространство. Именно эти формы культурного бытия в культурвиталистской методологии называются *жизненными формами*.

Категория *жизненной формы* характеризует «жизнь как процесс» в различных ее проявлениях. В «философии жизни» (Г. Зиммель), являющейся одним из методологических источников культурвитализма, особое внимание уделено рассмотрению социальной жизни, которая приобретает динамическую форму выражения. Но в то же время разобраться в лабиринте жизни можно лишь при условии сбора «моментальных фотоснимков», фрагментов и частных впечатлений.

Жизнь, по Зиммелю, начинается с изменчивых «фрагментов» социальной реальности, а процесс жизни – это ее поток, который образует застылые формы – культуру. «Жизнь, – пишет мыслитель, – в своих проявлениях, в своих органах множественна» [3, с. 158]. Множественные «органы» жизни, или ее «моментальные фотоснимки» – это застылые формы культуры. Анализ непрерывного роста «объективного духа» (в гегелевском смысле) позволяет судить о доминировании «культурных объектов» в жизни, которые делают людей все более и более бессильными перед реальностью. Дух и его результаты становятся чуждыми человеку. В этом смысле *жизненная форма* – это и есть застывший культурный объект, в котором актуализируется лишь один определенный жизненный «фрагмент».

Действительно, всякие формы бытия культуры создаются с запасом, их совокупность представляет собой огромную духовно-социальную матрицу, которая затем под воздействием определенных социокультурных условий и процессов стягивается, уплотняется, вращается в «со-

циальность», приобретает черты духовно-социального явления, находящегося в контексте решения политических, экономических и в целом социальных проблем. Например, судьба русского авангарда в начале XX в., пришедший ему на смену социалистический реализм, увеличение масштаба постмодернистских исканий в культуре свидетельствуют о постепенном вращении разноплановых явлений художественной культуры в ткань социальной жизни. В этом процессе усматривалась лишь возможность накопления дополнительных «производительных» сил культурной системы. Ни о каком жизнеутверждающем начале, конечно, речи не велось: советский период критики культуры и искусства задавал мировоззренческий вектор в плоскости преодоления эстетической теории и практики «империалистического» духа модернизма.

Несмотря на значительный рост в последнее время числа исследований, позитивно оценивающих опыт «сотрудничества» различных культурных и социально-культурных феноменов с культурной традицией, не убавляется количество таких работ, которые не всегда убедительно оценивают перспективы культурной эволюции. В представлениях о развитии культуры, процессах ее глобализации и модернизации чаще возникает обращение к категории «культурной формы», которая не дает возможности рассматривать культурное пространство в его жизнеактивных и жизнеэффективных проявлениях. Совершенно иначе «облик» культуры формируется в виталистских представлениях о ней, когда потенциал культурной системы оценивается с точки зрения ее жизненной энергии и жизненных сил.

Нужно ли говорить, что подобный ракурс многих исследований берет свое начало именно в 90-х гг. прошлого века – в то время, когда получило новый импульс в своем развитии виталистское направление в философии культуры и социологии и особенно остро обозначились вопросы сохранения национального своеобразия русской культуры. В этом ряду своевременными оказались работы творческого коллектива, представляющего алтайскую социологическую школу [4–7]. Постепенно рассуждения о жизненных силах человека и общества стали складываться в достаточно стройную методологическую систему, ставшую отправной точкой современного социологического витализма. С тех пор исследователи не отказались от идеи представить общество и культуру как живой организм, остро реагирующий на требования времени.

Изучение проблемы жизненных сил русской культуры, затрагиваемой в некоторых работах,

не ограничивается рассмотрением эволюции культурно-органической системы в онтологическом аспекте. Жизненная активность культурного организма, проявляясь в жизненных формах, отличающихся подвижностью системного ядра, становится предметом исследований, направленных на выявление закономерностей трансформаций и модификаций жизненного пространства культуры. В этой связи интерес вызывает проблема особого «языка культуры», целью которого является не только «формотворчество», выраженное в сокрушении предметного мира в художественном пространстве культуры. «Язык культуры» – это не только система национального самовыражения народа в нормах, ценностях, культурных формах, но и жизненное пространство культурного организма, в котором происходит накопление, сохранение и трансляция культурного и социокультурного опыта. Таким образом, «язык культуры» выступает в качестве межпоколенного многоступенчатого канала социальной коммуникации. В границах «языка культуры» развиваются виталистские представления о культурно-органической системе, формируется жизнеутверждающий императив, построенный на определенных аксиологических принципах и доказывающий существенную роль принципов релятивизации в освоении жизненного пространства культуры.

Научные попытки объяснить степень проявления в русской культуре многочисленных культурно-художественных экспериментов можно, на наш взгляд, условно разделить на две группы – так называемую *традиционалистскую* и *нетрадиционалистскую* (культуровиталистскую) позиции. Основанием для такой дифференциации может послужить различие в принципах активного изменения эстетической и социокультурной реальности, которым четко следуют деятели культуры и на которых заостряют внимание исследователи.

«Традиционалистская» позиция объясняет склонность культуры к новациям и переменам исключительно противостоянием культурной традиции предшествующего времени. Такой принцип созидания совершенно иной эстетической реальности, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, становится едва ли не основной жизнеутверждающей программой культурной деятельности в XX–XXI вв. Мнения исследователей в этом вопросе расходятся, на наш взгляд, лишь в одном пункте: носит созидание эстетической реальности положительный либо же отрицательный характер.

Современные исследования в большей степени обращают внимание на те позитивные момен-

ты, которые можно смело назвать решающими обстоятельствами при формировании нового культуровиталистского взгляда на проблемы культурной эволюции. И.Е. Васильев называет эти обстоятельства «зонами напряженности», в которых культура проявляет себя особенно ярко, значительно [8, с. 97]. А Г. Белая отмечает, что путь противоречивых культурно-художественных феноменов в культуре – «это предельное напряжение связей внутри художественного целого» [9, с. 118].

К таким «зонам» следует, по-видимому, отнести неоднозначные исторические колебания культурных феноменов в сторону преодоления в их ценностных ориентациях отдельного человеческого «Я» ради коллективных ценностей (как это было, например, в теории и практике русского модернизма и авангардизма). Кроме того, «зоной напряженности» можно признать и сохранение системной целостности культурного организма, поскольку оно всегда сопряжено с примирением иногда совершенно неоднозначных, а следовательно, и часто несогласуемых культурных и социокультурных элементов, что в свою очередь предопределяет состояние кризисности и внутрисистемную напряженность. По этой причине существенную роль в стабилизации таких культурных «зон напряженности», на наш взгляд, должно сыграть раскрытие жизненного пространства культурного организма через актуализацию архетипической, этнической, языковой и культурно-динамической памяти. Это будет способствовать диалогичности элементов культурной системы, а значит, сохранению ее целостности. Вместе с тем следует заметить, что преодоление указанных «зон напряженности» в жизненном пространстве культуры предопределяет развитие культурного плюрализма, замедля-

ющего многие этапы культурной конфигурации, и, таким образом, многократно усложнит архитектуру культурной системы.

Облекая культуру в предельно открытые формы и формулы, В.А. Кутырев [10, с. 93], как нам кажется, приходит к некоей положительной величине, уравнивающей и традиции, и новации, не вынуждая их включаться в спор о собственной значимости. «Формула культуры» Кутырева, отражающая такое соотношение, выглядит следующим образом: классика + авангардизм = модернизм. Именно модернизму отдается пальма первенства в созидании новой эстетической реальности. Для стремления исследователя представить русский авангард как некую общую «новацию» в одном ряду с классикой имеются веские основания. Модернизм, уходя с «эстетической арены», оставляет авангарду собственный арсенал обновленных традиций и приоткрытое в «мировой эон истории» культурное пространство. Расширять же границы этого пространства, конечно, авангарду.

Изменение вектора мировоззренческих представлений о культуре в целом, этапах ее развития, явлениях концентрации и расходования энергетического потенциала необходимо. Это становится требующей решения методологической проблемой многих отраслей современного социогуманитарного знания и прежде всего культурологии, социологии культуры и философии культуры. Очевидно, что культуровиталистский подход позволяет не только обнаружить «зоны напряженности», в которых культурно-органическая система отыскивает свои онтологические источники, но и сфокусировать внимание на тех проблемах, которые связаны с сохранением культурной самобытности, национально-этнических особенностей культуры и в целом ее жизненного пространства.

Литература

1. Семилет Т.А. Проявление жизненных сил человека в процессах возникновения и развертывания культуры // Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М., 2000.
2. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. М., 2003.
3. Зиммель Г. Истина и личность // Лики культуры: Культурологический альманах. М., 1994.
4. Григорьев С.И. Жизненные силы человека / С.И. Григорьев, Л.Д. Демина, Ю.Е. Растов. Барнаул, 1996.
5. Социология на пороге XXI века: новые направления развития / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттер. М., 1998.
6. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001.
7. Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей / Под ред. С.И. Григорьева. М.; Барнаул, 2003.
8. Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург, 2000.
9. Белая Г. Авангард как богоборчество // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3.
10. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.